

— Ты всё еще кашляешь? — раздался из голографического экрана низкий, обволакивающий голос.

— ...Нет, просто поперхнулся холодным воздухом, — сипло ответил Си Бай Цю.

— Думаю, сейчас у тебя лекция по основам этики в потоковой аудитории. Кондиционер в зале слишком холодный? — рука мужчины, которая до этого выводила буквы на бумаге, замерла, в голосе проскользнула тревога.

— М-м, возможно, — Си Бай Цю не хотел признаваться, что всё дело в кошмаре, от которого он проснулся. Если он скажет правду, этот человек тут же начнет допытываться, что именно ему приснилось, а лгать ему Бай Цю не хотел.

— Ладно, не нервничай так, — Си Бай Цю беспомощно улыбнулся. — Я проверялся всего пару дней назад, все показатели в норме. И кстати, нельзя ли попросить твоих подчиненных не докладывать тебе о таких пустяках? Это слишком отвлекает от работы.

Как только эти слова слетели с его губ, на том конце повисла долгая тишина. Сердце Бай Цю пропустило удар. Он с досадой прижал подушечку пальца к нижней губе, пытаясь исправить ситуацию:

— Нет, я не то имел в виду...

— А что тогда считается «не пустяком»? — камера сменила ракурс, и на экране появилось красивое, волевое лицо мужчины. Его тон был ровным, почти мягким, но в нем чувствовалось такое давление, что перехватывало дыхание. — Когда ты будешь лежать на полу, перестав дышать? Или когда тебя будет бить в судорогах от боли, а губы станут синими?

— Ты знаешь, что я не это имел в виду. Я просто не хочу, чтобы весь твой мир вращался только вокруг меня, — Си Бай Цю завел свою старую пластинку. — Мне двадцать два, я больше не тот ребенок, который через день попадал в реанимацию.

— Раздражаю? — мужчина отложил ручку и впился в него взглядом. — Считаешь, что я слишком опекаю тебя, что я какой-то одержимый психопат, который должен следить за каждым твоим шагом?

Си Бай Цю потер нос и бросил на него короткий взгляд. В его глазах читалось явное: «Ты неплохо себя охарактеризовал».

С тех пор как пятнадцать лет назад он был изувечен остатками банды Цзи и чуть не погиб, его жизнь висела на волоске. В больнице его сердце останавливалось, и когда врачи уже готовы были сдать, оно чудом забилось вновь, становясь с каждым разом всё сильнее. Его вернули с того света.

Но в сознание он пришел лишь спустя полмесяца. Ему всегда казалось, что в те моменты, находясь на грани, он что-то видел, но вспомнить не мог. Лишь интуитивно чувствовал: это было что-то невероятно важное и бесконечно печальное. Стоило ему попытаться сосредоточиться — голова раскалывалась от боли. За все эти годы он смог выудить лишь крупницы: величественная, неземной красоты туманность в ночи или ледяной туман зимнего рассвета. От этих образов на душе всегда становилось невыносимо тяжело.

— Брат, — Си Бай Цю улыбнулся. Мелкие блики солнца запутались в его волосах, а во взгляде светилась такая кроткая любовь, словно он был готов простить своей семье любые недостатки.

— Ты никогда не сможешь меня раздражать.

Та злополучная попытка убийства пятнадцатилетней давности нанесла его организму непоправимый вред. Больше всего пострадала железа: после прохождения вторичного пола она так и не начала вырабатывать феромоны, из-за чего иммунитет Бай Цю был крайне слаб. Любое дуновение ветерка могло спровоцировать кучу осложнений.

Его детство и юность прошли в стенах больниц, количество реанимаций не поддавалось счету. Поэтому и Цзин Ян, и его папы испытывали к нему гипертрофированное чувство защиты. Они просто не могли позволить себе потерять его снова.

Даже когда он вырос и его здоровье значительно улучшилось, когда он смог бегать и прыгать как нормальный человек, их опека ничуть не ослабла. Си Бай Цю лишь недоумевал: его папы, благодаря его стараниям, постепенно успокоились и перестали так сильно переживать, но «маленький ягненок» — его брат Цзин Ян, с годами лишь усиливал контроль, превращая его в болезненную одержимость.

Си Бай Цю понимал, что это неправильно, но у него не хватало духу противостоять. В конце концов, он всегда был полон понимания и мягкости к тем, кто его любил. Хотя, признаться честно, иногда эта опека казалась «сладким бременем».

Может, всё-таки стоит найти Цзин Яну жену? Говорят же, когда у Альфы появляется Омега, он переключает всё внимание на него. Но выдержит ли хоть один Омега такую душную любовь?

...А может, кому-то такое даже нравится?

Си Бай Цю погрузился в раздумья.

— Мне кажется, ты сейчас думаешь о чем-то нехорошем, — размеренно заметил Цзин Ян.

— Нет, — Бай Цю очнулся и улыбнулся брату. — Я думаю, что приготовить тебе на ужин. Стейк? Или хочешь европейской кухни?

— Я неприхотлив, — Цзин Ян откинулся на спинку черного кресла, сложив руки на животе и рассеянно потирая большим пальцем темно-красное кольцо с кровавым нефритом. — Что угодно, решай сам.

«Неприхотлив он...», — подумал Бай Цю. Знаем мы, кто готов голодать на деловых встречах, лишь бы не взять в рот ни кусочка, а потом мучиться с гастритом. Если он не готовит, тот и не ест. Совсем разбаловал его.

— Хорошо, я постараюсь вернуться пораньше. Отключаюсь, — Си Бай Цю помахал рукой, дождался кивка брата и завершил вызов.

В этот момент прозвенел звонок, и студенты потянулись из аудитории. Коридор быстро заполнялся людьми.

— Ой? Старшекурсник Бай Цю? — сладкий голосок прервал его мысли. Обернувшись, он увидел симпатичную омегу с низким пучком на затылке, которая спешила к нему.

— Привет, Сяо Цинжуй, — улыбнулся Си Бай Цю.

Ляо Цинжуй, едва достававшая ему до груди, с белоснежной кожей и очаровательными чертами лица, была невероятно милой девушкой.

— ...Хи-хи, какое совпадение! Я как раз собиралась тебе написать, — она достала из рюкзака коробочку шоколада с изящной ленточкой и с надеждой в глазах протянула ему: — Это шоколад ручной работы. Не мог бы ты передать его Его Величеству?

— Конечно, я передам, — Си Бай Цю взял подарок.

— Спасибо-спасибо! — Цинжуй сложила ладони в умоляющем жесте. — Ладно, мне пора! Напишу тебе позже, пока!

— Пока, — Си Бай Цю проводил взглядом девушку, которая, сияя от юношеских мечтаний, легко затерялась в толпе студентов.

С тех пор как пять лет назад Цзин Ян взошел на трон и стал новым Императором, его лицо, безупречное, словно работа искусственного интеллекта, постоянно мелькало на главной странице официального портала Империи. Будучи Альфой высшего класса, неженатым, обладающим колоссальной властью, богатством и сногшибательной харизмой, он стал главным героем девичьих грез по всей стране.

Ляо Цинжуй была младшей дочерью генерального секретаря Империи Ляо Цичжи. Она была избалованным ребенком, а став совершеннолетней, на одном из дворцовых банкетов влюбилась в Императора с первого взгляда. Позже, по стечению обстоятельств, она поступила в тот же университет, что и Бай Цю. Они быстро сблизились: Бай Цю хотел найти брату жену, а у Цинжуй были свои планы. Они стали «подругами по несчастью» (или сообщницами), которые нашли друг в друге родственные души. Самым важным было то, что их совместимость с Цзин Яном составляла 81%, что соответствовало минимальной планке для успокоения Альфы.

— Шестой, идем в столовую? — Цзян Луюань с парой сокурсников показался в дверях аудитории.

— Идите без меня, я сегодня еду домой, — ответил Си Бай Цю.

— Опять к брату? — Ань Ичжоу поправил очки на переносице.

— Ага, — Си Бай Цю почесал затылок.

— ...Твой брат такой прилипчивый. Слушай, Шестой, признайся честно: этот твой «брат», не объект ли твоего обожания? — Цзян Луюань склонился к нему, переходя на шепот. — Иначе с чего бы ему постоянно звать тебя домой? Родные братья так себя не ведут. Давай, колись! Даже если ты тайно перестал быть одиночкой, мы не осудим, максимум — потребуем роскошный ужин в качестве штрафа!

— Нет, ты нафантазировал лишнего, — невозмутимо отстранил его голову Бай Цю. — Я исповедую одиночество ради душевного спокойствия.

— Ладно-ладно, поглядим, как ты еще заберешь свои слова обратно, — хитро подмигнул Цзян Луюань, явно не поверив ни единому слову. — Кстати, завтра практика по прыжкам с парашютом, приходи пораньше, это влияет на итоговую оценку.

— Хорошо, до завтра, — кивнул Бай Цю.

Друзья помахали ему и скрылись.

Бай Цю вернулся домой.

Это была не вилла в элитном районе, а просторный пентхаус с видом на реку недалеко от университета. Его купили родители, два его папы, чтобы ему было удобнее учиться. Триста квадратных метров, роскошная мебель, минималистичный, но дорогой дизайн, дом мечты для многих.

Сам Бай Цю был человеком неприхотливым: ему было хорошо как в пентхаусе за десятки миллионов, так и в простой квартире за пару сотен тысяч. Но его семья стремилась дать ему самое лучшее. Удивительно, что при такой гипертрофированной опеке Бай Цю не вырос избалованным.

Он завязал фартук за спиной; черные завязки подчеркнули тонкую талию, а линия бедер выглядела особенно аппетитно.

Бай Цю поставил вариться тыквенную кашу, затем занялся стейком. Нарезав мясо, он обварил его в кипятке с имбирем и рисовым вином, чтобы убрать лишний запах, и отложил в сторону. Включив плиту, он добавил масло и специи, дождался аромата, влил воду и поставил стейк тушиться, попутно готовя второе блюдо.

Он не услышал, как в прихожей хлопнула дверь. Находясь на кухне, он как раз подцепил палочками аппетитное баранье ребрышко, намереваясь его попробовать. Но стоило ему открыть рот, как чья-то рука обвила его талию, а из-за плеча дотянулись губы и ловко стащили кусочек прямо с палочек.

Си Бай Цю застыл с широко распахнутыми глазами. Спустя пару секунд до него дошло. Он резко обернулся и, глядя на вошедшего, возмущенно выдохнул:

— ...Почему ты опять у меня воруешь?

<http://bllate.org/book/17726/1658756>